

Ивашечка и вѣдьма.

удое было житье старику со старухою: вѣкъ они прожили, а дѣтей не нажили. Съ молодю еще ничего, жили, другъ другу помогали; со-старѣлись — напиться подать некому; и тужать и плачуть.

Пошолъ разъ старикъ въ лѣсъ за дровами, вы-бралъ дерево, какое приглянулось — и только-что замахнулся топоромъ, вдругъ говоритъ ему дерево человѣчьимъ голосомъ: «Подожди, добрый человѣкъ, не руби меня подъ корень, дай мнѣ еще на бѣломъ свѣтѣ постоять, на ясномъ солнышкѣ погрѣться. Я твое горе знаю и въ немъ тебѣ помогу. Срѣжь ты съ меня малую вѣточку, снеси домой, прикажи старухѣ ее въ чистыя пеленки укутать, новымъ свивальникомъ обвить да въ теплую золу подъ печку положить — увидишь, что́ будетъ». Послушался старикъ дерева, сдѣлалъ все по сказанному.

Ночью сидятъ старикъ и старуха въ избѣ, ждутъ, что́ изъ вѣточки будетъ. Вдругъ зашевелилось что-то подъ печкою и голосокъ слышится: «Батюшка, матушка, выньте меня отсюда!» Поглядѣла старуха подъ печку, — а тамъ мальчикъ лежитъ, въ пеленочкахъ завернутъ, да такой славный, — настоящая ягодка. Ужь какъ сынку старики обрадовались, и сказать нельзя. Назвали его Ивашечкой, и стали беречь, растить.

Ростетъ Ивашечка, подрастаетъ, въ разумъ приходитъ. Какъ стало ему семь годковъ, говоритъ онъ отцу: «Сдѣлай мнѣ, батюшка, челночокъ да весельце; буду я по озеру плавать, вамъ рыбку ловить». — «Куда тебѣ, ты еще малъ, утонешь, чего добраго!» — «Нѣтъ, не утону, пусти». Сдѣлалъ ему старикъ челнокъ да весельце, старуха надѣла на сына бѣлую рубашку съ краснымъ поясомъ, — и отпустили. Вотъ Ивашечка сѣлъ въ свою лодку и сталъ приговаривать: «Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше! Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше!» Челнокъ и поплылъ — далеко-далеко.

Въ Воскресенье пришла старуха на берегъ и стала кликать Ивашечку: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви, плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла. Принесла тебѣ ѣсть-пить, чистую сорочечку перемѣнить!» Услыхалъ Ивашечка материнъ голосъ и сталъ приговаривать: «Челночокъ, челночокъ, плыви къ берегу ближе: это меня матушка зоветъ!» Приплылъ челнокъ къ берегу, старуха Ивашечку накормила, напоила, чистую сорочку съ краснымъ поясомъ на него надѣла и опять за рыбой отпустила.

На другую недѣлю старикъ пришолъ къ берегу и зоветъ сына: «Ивашечка, мой сыночекъ, плыви, плыви къ бережочку! Я, отецъ, пришолъ, тебѣ есть принесъ. Принесъ тебѣ ѣсть-пить, чистую сорочечку перемѣнить!» Услыхалъ Ивашечка отцовъ голосъ и сталъ приговаривать: «Челночокъ, челночокъ, плыви къ берегу ближе: это меня батюшка зоветъ». Челнокъ приплылъ къ бережку; старикъ забралъ рыбу, что Ивашечка наловилъ, накормилъ-напоилъ сына, перемѣнилъ ему чистую сорочку и отпустилъ опять ловить рыбку.

Услыхала вѣдьма, какъ старикъ и старуха сына кликали, и задумала поймать Ивашечку, чтобы его съѣсть. Вотъ пришла она на берегъ и завyla страшнымъ голосомъ: «Ивашечка, мой сыночекъ! Плыви, плыви къ бережочку! Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла!» А Ивашечка распозналъ, что это вѣдьминъ голосъ, а не материнъ, и говоритъ: «Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше! Челночокъ, челночокъ, плыви отъ берега дальше! То не мать, то меня вѣдьма зоветъ!» Челнокъ и поплылъ — далеко-далеко.

Вѣдья видитъ, что такъ Ива-
шечку не обманешь, побѣжала
къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ, — гово-
рить, — скуй мнѣ такой голо-
сокъ, какъ у Ивашкиной мате-
ри; а то я тебя съѣмъ.» Испу-

гался кузнецъ: нечего дѣлать, — сковалъ
вѣдмѣ такой голосокъ, какъ у Иваше-
чкиной матери. Вѣдья прибѣжала къ бе-
регу, спряталась въ кустахъ и давай кли-
кать Ивашечку какъ разъ такимъ голо-
скомъ, какъ у его матери: «Ивашечка, мой
сыночекъ, плыви, плыви къ бережочку!
Я, мать, пришла, тебѣ ѣсть принесла.
Принесла тебѣ ѣсть-пить, чистую соро-
чечку перемѣнить!» Ивашечка обознался,
приплылъ къ берегу, — а вѣдья выска-
чила, схватила его, сунула въ мѣшокъ и
помчала къ себѣ домой.

Пришла вѣдья домой и приказываетъ
своей работницѣ Алѣнкѣ: «Истопи по-
жарче печь да зажарь мнѣ Ивашку хо-
рошенько, а я пойду по дѣлу».

Вотъ Алѣнка истопила печь жарко-
жарко, взяла лопату, на которой хлѣбы
въ печь сажаютъ, и говоритъ Ива-

Бросилась вѣдья дерево грызть, на которомъ Ивашечка сидѣлъ.

шечкѣ: «Ну, ложись на лопату!» Ивашечка легъ поперекъ лопаты—нельзя Аленкѣ его въ печь сунуть. «Не такъ, глупый: ты вдоль лягъ!» Ивашечка легъ вдоль, да ногами въ устье печки уперся,—опять нельзя Аленкѣ его всунуть. «Эхъ, опять не такъ!»—«Да я малъ еще, не знаю, какъ тебѣ нужно,—говорить Ивашечка.—Ты сама мнѣ покажи.»—«Хорошо, показать не долго!» Легла Аленка вдоль лопаты, ноги вытянула, руки сложила, а Ивашечка—шмыгъ ее въ печь, заслонкой закрылъ, лопатой заслонку приперъ. Самъ вышелъ изъ вѣдьминаго дома, заперъ двери, залѣзъ на высокое-высокое дерево, на самую верхушку, и сидитъ.

Воротилась вѣдьма домой, стучится—никто ей не отворяетъ. «Ишь,—говорить,—ушла лѣнтяйка изъ дому; навѣрно гдѣ нибудь теперь съ подругами болтается!» Влѣзла въ окошко, отворила изнутри дверь, накрыла столъ, вынула жареную Аленку изъ печи—и давай ѣсть. Ъла-ѣла—всю Аленку съѣла, потомъ вышла на лужокъ и стала на травкѣ валяться да приговаривать: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкинаго мясца поѣвши! Покатаюся, поваляюся, Ивашкинаго мясца поѣвши!» А Ивашечка ей съ дерева: «Покатайся, поваляйся, Аленкинаго мясца поѣвши!»—«Что это, будто меня кто переговариваетъ?»—говорить вѣдьма. Поглядѣла туда-сюда,—нѣтъ никого. Опять давай валяться по травкѣ: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкинаго мясца поѣвши!» А Ивашечка съ дерева опять ей: «Покатайся, поваляйся, Аленкинаго мясца поѣвши!»

Перестала вѣдьма кататься, прислушалась, посмотрѣла туда-сюда. Глядь—а на деревѣ Ивашечка сидитъ. Такъ и взвыла она со злости, заскрипѣла зубами и бросилась дерево грызть, на которомъ Ивашечка сидѣлъ. Грызла, грызла, грызла,—передніе зубы выломала. Побѣжала къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ! Скуй мнѣ желѣзные зубы, а то я тебя съѣмъ!» Что кузнецу сдѣлать? Сковаль онъ ей желѣзные зубы. Прибѣжала вѣдьма къ дереву, впи-лась въ него желѣзными зубами—зашаталось, затрещало дерево.

Сидитъ Ивашечка ни живъ, ни мертвъ,—вдругъ видитъ: летитъ стадо гусей. Взмолился онъ, сталъ ихъ упрашивать: «Гуси мои, лебедушки! Возьмите меня на крылышки! Отнесите къ отцу, къ матери; тамъ васъ накормятъ, напоятъ!»—«Ка-га!—говорятъ гуси.—Пусть тебя задніе возьмутъ!» А вѣдьма грызетъ,—только

щепки летать,—дерево трещить, шатается. Летить другое стадо гусей. «Гуси мои, лебедушки!—молить ихъ Ивашечка.—Возьмите меня на крылышки! Отнесите къ отцу, къ матери; тамъ васъ накормятъ, напоютъ!» «Ка-га!—говорятъ гуси.—Пусть тебя отсталый гусенокъ возьметъ!»

Не летитъ отсталый гусенокъ, а дерево совсѣмъ ужъ перегрызено, вотъ-вотъ повалится. Остановилась вѣдьма отдохнуть, глядитъ на Ивашечку, облизывается. Вдругъ, летитъ отсталый гусенокъ, чуть крылышками машетъ. Взмолился къ нему Ивашечка: «Ой, ты гусекъ-лебедь мой! Возьми меня на крылышки, отнеси къ отцу, къ матери! Тамъ тебя до сыта накормятъ, холодной водицей напоютъ!» Пожалѣлъ гусенокъ Ивашечку, подхватилъ его на крылья—и полетѣлъ съ нимъ вмѣстѣ.

Прилетѣлъ гусенокъ къ Ивашечкиному дому и опустился на крышу. А старуха въ то время блиновъ напекла, сидятъ они со старикомъ, сына Ивашечку поминаютъ. «Это тебѣ, старикъ, блинъ, а это мнѣ! Это—тебѣ, а это—мнѣ; это—тебѣ, а это—мнѣ,»—говоритъ старуха.—«А мнѣ?»—отозвался Ивашечка.—«Это тебѣ, старикъ, а это—мнѣ...».—«А мнѣ?»—«Посмотри-ка, старикъ, что это тамъ на крышѣ отзывается». Вышелъ старикъ, глядь,—а на крышѣ Ивашечка сидитъ живой, здоровый. Обрадовались ему отецъ съ матерью такъ, что и рассказать нельзя.

И стали они жить-поживать, добра наживать. А отсталаго гусенка отпоили, откормили, на волю пустили. Съ той поры началъ онъ широко крыльями махать, впереди стада летать; и теперь живетъ-поживаетъ, Ивашечку вспоминаетъ.

